

Чем дальше от нас уходит в историю дата смер-
тельной дуэли Александра Сергеевича Пуш-
кина, тем острее возникает дискуссия в научных
кругах и публицистике в отношении ее причин: во
имя чего она была спровоцирована. Внешне дуэль
выглядела как одна из многочисленных в его
жизни (Пушкин был страстный дуэлянт), но толь-
ко с той разницей, что она закончилась для него
трагически. Поводом к ней послужило стремле-
ние великого поэта постоять за светлое имя сво-
ей супруги, честь своей семьи. Накануне дуэли он
получил анонимное письмо-пасквиль, в котором
был откровенный намек на интимную связь его
супруги с царем, причем с согласия самого мужа
в корыстных целях. Пасквиль затрагивал реноме
не только первого поэта в России, но и самого им-
ператора Николая I.

Утверждать, что данное письмо есть поступок
каких-то великовозрастных шалопаев, которые,
устав от светской жизни, решили подобным об-
разом позабавиться, вряд ли можно. Считаю,
что здесь была замешана большая политика, свя-
занная с физическим устранением Пушкина не
столько как поэта, а как государственного деятеля,
авторитетного в общественных кругах России, и
сподвижника царя по укреплению государствен-
ных и нравственных усто-
ев Российской империи.

Не случайно, первый
пушкинист Павел Аннен-
ков не только в офици-
альной переписке с ми-
нистром просвещения, но
и в письмах к друзьям в
60-х годах XIX века разви-
вал идею, что Пушкин не
только поэт, но он «еди-
ногласно выступает
воспитателем русско-
го общества, мощным
агентом его развития и
объяснителем духовных
сил, присущих народу»
(выделено мной. — В.К.).

Видимо, нам не суждено узнать поименно истин-
ных авторов подметного письма, сгубившего Пуш-
кина и навсегда бросившего черную тень на Нико-
лая I. Одно ясно, что трагическое последствие
подметного письма было на руку тем полити-
ческим силам, внутренним и внешним, которым
была ненавистна страна под названием Россия с
ее многовековой славной историей.

Обращая на себя внимание тот факт, что убий-
ство произошло в год 25-летия изгнания францу-
зов из России, и смерть Пушкин принял от руки не
кого-нибудь, а от француза Дантеса. Секундантом
Пушкина был Данзас, предки которого были фран-
цузы. Не этим ли вызваны его странные поступки
во время дуэли и после. О них мы скажем поз-
днее. Секундантом Дантеса был секретарь фран-
цузского посольства виконт д'Аршиак. Так что
версией организации смертельной дуэли мы зна-
ем только из уст участников и идейного вдохно-
вителя злодейского преступления против России
голландского посла Луи Геккерна. Пушкинскую
версию дуэли мы не узнаем никогда, поскольку
он был смертельно ранен, и ему оставалось жить
чуть меньше двух суток.

В первой четверти XIX века произошли два
судьбоносных для России событий. Блистательная
победа русской армии над Наполеоном во главе с
Александром I и фельдмаршалом В.И. Кутузовым
и восстание декабристов 14 декабря 1825 года.
Первое событие предопределило на четыре по-
следующих десятилетия ведущую роль России во
всех европейских делах: тогда Петербург имено-
вали в международных кругах столицей Европы. При
успешном исходе второго события — речь идет о
восстании декабристов — страна могла погибнуть.

Выражаясь современным языком — оно обнулило
бы результаты славной виктории над Наполеоном.
Декабристы, оказавшись во власти, вряд ли
удержали государство в своих руках. На момент
свержения царя они были едины в своих полити-
ческих помыслах: покончить с царским режимом
вплоть до убийства императора и членов его се-
мьи, но идеологически по своим взглядам вожди
декабристов были совершенно разные. С учетом
радикализма предлагаемых ими преобразований
государственных устоев (отправить в отставку
«всех без изъятия нижних чинов, прослуживших
15 лет, высшую власть передать временной дик-
татуре («правлению») в составе 4-5 человек, создать
«внутреннюю народную стражу» вместо полиции,
образовать суды присяжных и распустить посто-
янную армию) — все закончилось бы распадом
Российской империи. Исчезновение России с по-
литической карты мира было бы, прежде всего, на
радость французским политикам. В их глазах это
выглядело бы как расплата России за перенесен-
ное ими унижение, связанное с победой русского
оружия над французским.

К сожалению, такой сценарий развития собы-
тий в ходе радикальной ломки государственных
уз России по большому счету многими пред-
ставителями дореволюционной общественности и
выходцами из аристократических семей до конца
недопонимался, либо кто-то из них искренне же-
лал исчезновения России с политической карты
мира. Между прочим, великий русский писатель
Ф.М. Достоевский подобную позицию некоторых
представителей российского общества отобразил
в романе «Братья Карамазовы». Герой романа
Смердяков искренне сожалел, что культурные
французы под началом Наполеона не победили
варварскую Россию. Современные литераторы в
лице Михаила Ходорковского открыто заявляют о
том, пока Россия такая большая, в ней демокра-
тии не будет.

Глумление над высшими государственными
чиновниками и символами царской власти в до-
революционной России широко поддерживалось
русской демократической общественностью и
продолжалось вплоть до Февральской буржуаз-
ной революции 1917 года. Декабристы и в глазах
советских людей также воспринимались как ры-
цари чести, мученики мстительного и жестокого
императора Николая I. Апогеем возвеличивания
декабристов в виде благодарных мужей, невинно
попавшихся своей жизнью и карьерой, явил-
ся художественный фильм Владимира Мотыля
«Звезда пленительного счастья», созданный к
150-летию восстания декабристов.

Истинное осознание российским обществом
негативных последствий любых, независимо от
политической окраски, радикальных сломов госу-
дарственного аппарата, в том числе и в результате
действий декабристов, пришло в конце 90-х годов
XX столетия. Тогда в ходе спонтанных действий
либеральных демократов, пришедших к власти на
волне антикоммунистической истерии, распался
Советский Союз в декабре 1991 года, и на грани
ликвидации оказалась Россия. Многим стало
ясно, что революционная ломка государствен-
ных устоев, особенно в стране многонациональ-
ной и многоконфессиональной, под руководством
любой политической силы эрозия, как правило,
гибелью самого государства, а жизнь его враж-
дан, по известному выражению выдающегося
русского философа Николая Бердяева, превра-

щается в ад. При отсутствии государства в
обществе законы и общественная мораль не
действуют. Регуляторами общественных от-
ношений становятся «человек с ружьем» и рево-
люционная целесообразность.

В конце первой четверти XIX века значимость
государственных ценностей для нормального
функционирования русского общества наиболее
четко осознавали в основном два великих чело-
века: Николай I, в силу долга пребывания на вы-
шем посту во власти, и Пушкин, который после
пребывания в ссылке в Михайловском многое в
своих взглядах переоценил, встав на позицию
поэта-государственника. Во время знаменитой
встречи царя Николая I и Пушкина в Чудовом
монастыре на территории Московского Кремля
(8 сентября 1826 года) они сошлись в оценке по-
следствий вооруженного восстания декабристов.
Сам храм, свидетель многих событий в русской
истории (отсюда бежал восвояси Гришка Отре-
пьев, здесь принял мученическую смерть патри-
арх Гермоген за русскую веру во время оккупации
Кремля поляками в 1612 году, в этом монастыре
размещался штаб Наполеона в 1812 году) рас-
полагал к продолжительной и очень откровенной
беседе Царя и Поэта. Царь понял, что либераль-
ные взгляды Пушкина — это дань молодости и
больше ничего. Беседуя с царем, Пушкин со-
гласился с мнением Николая I, что Россия, где
имеет место разнородность государственных
элементов и масштабность территории и
присутствует «темнота народная и дворян-

Владимир
Корнилов

По одну сторону баррикад

К 185-летию гибели Пушкина

ская», не может существовать вне самодер-
жавной власти.

Обращаем внимание, что за период тридцати-
летнего правления Николай I всего один раз при-
бег к такому суровому способу поддержания са-
модержавия, как казни. Если Петр I и Екатерина II
казнили тысячи людей, то при Николае I по поли-
тическим мотивам было подвергнуто казни всего
пять человек из числа декабристов. Оценка его
деятельности, как кровавого правителя Николая
Палкина, на совести либеральных публицистов и
писателей (в первую очередь, Герцена и, как не па-
радоксально, Льва Толстого) того времени.

По окончании встречи Пушкин дал слово Ни-
колаю I достойно служить Отечеству и протянул
ему руку дружбы. Царь со своей стороны обещал
помогать ему во всех творческих деяниях. Так они
оказались вместе по одну сторону баррикад во
имя России против всех ее недругов. Вплоть до
трагической дуэли они были верны друг другу.
Поэт публично восхищался действиями царя во
время холерной эпидемии в Москве в 1830 году.
В его поведении он увидел соединение смелости
и человеколюбия. Открыто выступил на стороне
Николая I в его решительных действиях в связи с
подавлением польского восстания 1831-1832 гг.,
написав знаменитое стихотворение «Клеветникам
России». В его стихах 30-х годов XIX века, в пись-
мах к близким и обращениях к царю часто содер-
жалось негодование по поводу неблагодарности
Европы по отношению к России, которая своей
кровью изкупила «Европы волюность, честь и мир»
(«Клеветникам России»). Он всё настойчивей стал
касаться темы русофобии. В начале XIX века в Ев-
ропе, в частности, было впервые издано якобы до-
бытые Шевалье д'Эоном, секретарем французско-
го посольства в России в 60-х годах XVIII столетия,
из русских архивов поддельное «Завещание Петра
Великого», согласно которому Россия должна за-
воевать Европу и Азию.

Пушкин желал дать отпор этой волне: публико-
вать контрматериалы. Известна черновая записка
Пушкина к А.Х. Бенкендорфу, датированная кон-
цом июля 1831 года. В ней поэт предлагал исполь-
зовать русские литературно-политические журна-
лы для, как бы сейчас сказали, информационной
борьбы с клеветой западных газет. «Ныне, когда
справедливое негодование и старая народная
вражда, долго растравляемая завистью, соеди-
нила всех нас против польских мятежников, озло-
бленная Европа нападает поклямет на Россию, не
оружием, но ежедневной, бешеной клеветой. Ко-
нституционные правительства хотят мира, а мо-
лодые поколения, волнуемые журналами, требуют
войны... Пускай позволяет нам, русским писателям,
отражать бесстыдные и невежественные нападе-
ния иностранных газет. Правительству легко будет
извлечь из них всевозможную пользу, когда Бог
даст мир и государю досуг будет заняться устрой-
ством успокоенного государства, ибо Россия креп-
ко надеется на царя; и истинные друзья Отечества
желают ему царствования долготелного».

Насколько актуально предложение Пушкина в
наше время. В силу русской доверчивости к дей-
ствиям коллективного Запада во главе с США и
политического предательства либерал-демократов
во власти с 90-х годов прошлого века, Россия
фактически потеряла свою информационную без-
опасность. От себя добавим, если не восстановим
ее, то все наши военные достижения в области
новейшего высокоточного вооружения окажутся
мало результативными. Как в 90-е годы СССР об-
ладая мощным военным потенциалом, без едино-
го выстрела пал к ногам Запада, поскольку руками
информационно одурманенных миллионов со-
граждан был развален как Союз, и тем самым на
протяг десятилетия Россия оказалась обремененной
в достижениях экономического паритета с веду-
щими державами мира.

Скомпрометировавшая себя идеология масон-
ства, которой увлекались большинство россий-
ских вольнодумцев с конца XVIII века (Радищев,
Новиков и др.) до 20-30-х годов XIX века (лиде-
ры декабристского движения, близкие друзья из
окружения Пушкина — Василий Жуковский, Пётр
Вяземский, братья Тургеневы и др.), уступает
место поискам национальной идеи. И главным
инициатором ее выработки становится Алек-
сандр Сергеевич Пушкин. Известный исследова-
тель быта императорского двора Г.Чулков утверж-
дал: «В салоне М.Д. Нессельроде ... не допускали
мысли о праве на самостоятельную политическую
роль русского народа, ненавидели Пушкина, по-
тому что угадывали в нем национальную силу, со-
вершенно чуждую им по духу... Независимость его
суждений раздражала эту олигархическую шайку».

Царь, видя подвижничество Пушкина в ут-
верждении идей государственности в российском
обществе, не оставался в долгу перед великим
поэтом. Он благословил его брак с Натальей
Гончаровой, первой красавицей Петербургского
светского общества. Он велел передать матери
новости, что ее будущий муж не находится под
царским гневом, а под отеческим попечением. Он
предоставил Пушкину возможность работать с се-
кретными документами в государственном архиве
для написания истории России. Высоко оценивая
драму «Борис Годунов», распорядился выделить

средства для ее напечатания. Думаю, дружба ме-
жду ними им обилие стоила немалых трудностей в
морально-психологическом отношении: недобро-
желателей их тесных взаимоотношений было куда
больше, чем сторонников. Одни искренне считали,
что царь и поэт заблуждаются в оценке друг друга,
подвергая себя самообману. Другие наущивали
Николая I, что поэт не отказался от своих воль-
терьянских мыслей, и водит царя за нос в своих
меркантильных интересах. Один из анонимных ав-
торов писал о нем:

Я прежде вольностью проповедовал,
Царей с народом звал на суд,
Но только царских щей отведал
И стал предворный лизоблюд.

Третьи договаривались до того, что великий
поэт, отказавшись от своих прежних взглядов, стал
платым агентом царской власти. Пушкин выну-
жен был ответить им, написав в 1828 году стихот-
ворение «Друзьям».

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сербца воюю.
Его я просто полюбил,
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

Пушкину же наговаривали, что царь, предо-
ставив ему низший придворный чин камер-юнкера,
унизил публично его в глазах высшего света. На
самом деле, этим жестом царь официально

к царскому двору. В свою очередь Луи Геккерн,
видимо, понял, что Пушкин уловил его истинную
его роль в Петербурге и, боясь разоблачения, он
стал использовать приемного сына не только как
информатора, но и как орудие масштабной дис-
кредитации Пушкина в петербургском обществе.

Вот почему даже после того, когда Дантес, чтобы
обелить себя в глазах светского общества, доказы-
вая, что Пушкин из слепой ревности незаслуженно
преследует его, женится, кстати, по настоянию Луи
Геккерна, на родной сестре его супруги — Екате-
рине, и продолжит распространять в духе «казармен-
ных каламбуров» по адресу Пушкина и его семьи
всевозможные сплетни. Для примера одна из не-
пристойных шуток: «Теперь я знаю, что у вас тело
красивее, чем у моей жены». Для услышавших эту
фразу было ясно: Дантес добился взаимности от
Натали Пушкиной. За Дантесом и Натальей Ни-
колаевной постоянно наблюдали сотни любопытных
глаз и ушей. Отец Геккерн при очередной встрече
на балу с Натальей Николаевной спросил её, когда
же она, наконец, освободится от своего мужа. Ви-
димо, отец и сын Геккерны, как тонкие психологи
играя на человеческих слабостях Пушкина и Ната-
ли Николаевны, жестоко разыгрывали их.

Считаем, вряд ли семейная пара Геккернов
так нагло и беспринципно вела бы себя, если бы
не имела моральной поддержки в петербургских
кругах. Для одних из светского общества это
очередной сериал, который ими с удовольствием
смотрелся, для других — руками Геккернов свести
счёты с великим поэтом.

продемонстрировал, что порядок производства в
чины должны соблюдать даже такие выдающиеся
личности, как Пушкин. Сколько было сплетен об
якобы «амурных отношениях» Натальи Николаев-
ны с Николаем I. Все это не раз заставляло того
и другого сомневаться в искренности их взаимо-
отношений. Тем не менее, благодарное служение
русскому Отечеству Николая I как Царя, а Пушкина
как Поэта-государственника, не позволило врагам
вбить клин в их взаимоотношения.

Барон М.А. Корф в своих мемуарах приводит
рассказ Николая I: «Под конец жизни Пушкина,
встречаясь часто в свете с его женою, которую я
искренно любил и теперь люблю, как очень до-
брую женщину, я раз как-то разговорился с нею о
комержах (сплетнях), которым её красота подвер-
гает её в обществе; я советовал ей быть, сколько
можно, осторожнее и беречь свою репутацию и
для самой себя, и для счастья мужа, при известной
его ревности. Она, верно, рассказала это мужу, по-
тому что, увидевшись где-то со мною, он стал меня
благодарить за добрые советы его жене. — Разве
ты и мог ожидать от меня другого? — спросил я. —
Не только мо, — ответил он, — но, признаюсь от-
кровенно, я и вас самих подозревал в ухаживании
за моею женою. Это было за три дня до последней
его дуэли».

Все же недоброжелатели политические взгля-
дов и государственного подвижничества Пушкина
сумели выбить великого поэта из жизненной ко-
леи, используя якобы любовные отношения между
его супругой Натальей Николаевной и Дантесом.
Мы не исключаем самого факта, что красота этого
бравого кавалера тогда на какое-то время вскружи-
ла ей голову, но не настолько, чтобы иметь с ним
интимную связь. Об этом она чистосердечно пи-
шет в письме приемному отцу Дантеса барону Гек-
керну. «Допустим даже, что мой увлечение вашим
сыном так велико, что, отуманенная им, я могла
бы изменить священному долгу; но вы упустили
из вида одно: я — мать. У меня 4 маленьких детей.
Покинув их в угодую преступной страсти, я стала бы
в собственных глазах самой презренной из жен-
щин. Между нами всё сказано, и я требую, чтобы
вы оставили меня в покое». Тем не менее, с какой-
то маниакальной страстью, на первый взгляд, не-
сколько не понятной, отец и сын Геккерны пресле-
дуют семью Пушкиных.

Все встает на свои места, если рассматривать
проблему отца и сына Геккернов и семьи Пуш-
киных в политическом ракурсе. Вероятнее всего у
Пушкина, проницательно по-государственному
мыслящего, появились всекие доказательства в
отношении того, что посол Нидерландов в Рос-
сии занимается деятельностью, противоречащей
интересам России, как шпион, причем в пользу
другой страны — Франции. Подобное видение по-
зволило Пушкину понять истинный смысл усы-
новления Луи Геккерном Дантеса, состоявшего на
службе царской армии, к тому же имевшего доступ

Великий поэт, по мнению современников, был
по натуре вспыльчивым и задиристым, а Наталья
Николаевна, вполне из самых чистых помыслов,
постоянно сообщала о домогательствах со сто-
роны Дантеса и его приемного отца. Это, конеч-
но, не могло оставлять Пушкина равнодушным.
Окончательно, в прямом смысле, он был пси-
хологически взбешен, когда его супруга пересказала
содержание совета Геккерна: бросить своего
мужа. Его настолько возмутила циничная выход-
ка голландского посланника, что он совсем поте-
рял самообладание, и в самых оскорбительных
тонах написал ему письмо, рассчитывая на дуэль
с ним или Дантесом.

В тот же день Луи Геккерн через секретаря
французского посольства виконта д'Аршиака в
письме объявил Пушкину, что от его имени Дан-
тес делает ему вызов. Видный французский пуш-
кинист Анри Труайя в научном труде «Пушкин и
Гончарова» пишет: «Договорившись с Дантесом
о его участии в дуэли, Геккерн все ставил на эту
последнюю карту! Дантес убьет Пушкина, и этот
ненавистный бумагомаратель унесет с собой в мо-
гилу всю свою ненависть, все свои разоблачения».

Пушкин, потеряв голову, без обсуждения под-
писал весьма жёсткие условия дуэли, составлен-
ные письменно виконтом д'Аршиака. Предста-
щая дуэль не оставляла шанса уцелеть кому-то
из противников: дуэлянты становились на рас-
стоянии двадцати шагов друг от друга, барьер
составлял десять шагов. Именно на это и рас-
считывал организатор дуэли барон Геккерн. Есть
предположение, что под сюртуком Дантеса была
колчужка или кыраса, которые в случае прямо-
го попадания пули гарантировали тому жизнь.
Суждение о том, что Дантеса спасла пуговица,
в которую попала пуля, никто из представителей
правоохранительных органов в глаза не видел как
вещественное доказательство. Выглядит стран-
ным, что Данзас как секундент не удосужился
проверить, во что был одет оппонент Пушкина.
Пушкинист Янина Левкович подвергает сомне-
нию данное предположение. «Участник поединка
не мог риковать своим положением в обществе,
используя средства защиты, любая случайность
(например, лёгкое ранение) привела бы к откры-
тию уловки, и обманщик бесповоротно становил-
ся отверженным».

Думается, для тех, кто решился на такой ковар-
ный шаг, быть отверженным в обществе не имело
значения. Не случайно, по рассказу внука Дантеса,
Луи Метмана, его дед на склоне лет говорил: «был
вполне доволен своей судьбой <...> что только
благодаря вынужденному из-за дуэли отъезду из
России он обязан своей блестящей политической
карьерой во Франции». На дуэли отсутствовал врач,
у секундентов не было с собой никаких медикамен-
тов, а раненого Пушкина повезли не в госпиталь,
где могли бы ему оказать срочно медицинскую по-
мощь, а домой. Потом Данзас в течение несколь-

ких часов искал врачей, чтобы тяжело раненому
была оказана квалифицированная помощь. Вся
эта нелепость в поведении боевого офицера, ко-
торый не раз на передовой сталкивался с такими
случаями, подозрительна и стоила Пушкину поте-
рей нескольких литров крови.

Оказавшись на смертном одре и приводя в
порядок свои дела, Пушкин пишет записку Ни-
колаю I с просьбой о прощении за нарушение
царского запрета на дуэли. «Жду царского сло-
ва, чтобы умереть спокойно». Царю и его сыну,
будущему наследнику царского престола под
именем Александра II, желает долгого и славно-
го царствования во «имя процветания России». Николай I пишет в ответ: «Если Бог не велит
нам свидеться на здешнем свете, посылаю тебе
мое прощение и мой последний совет умереть
христианином. О жене и детях не беспокойся, я
беру их на свои руки». Поэт был еще жив, когда
Жуковский сообщил ему, что Николай I из лучших
побуждений позаботится о его семье и все ее
материальные заботы примет на себя. Надо от-
метить, что Николай I обратился к Бенкендорфу
с просьбой предотвратить дуэль, направив на ме-
сто поединка несколько жандармов. Французский
пушкинист Анри Труайя отмечает, что накануне
дуэли к Бенкендорфу зашел Луи Геккерн вместе
с графом Уваровым и княгиней Белогельской. В
их присутствии голландский посол убедил Бен-
кендорфа не противодействовать дуэли, а для
приличия послать жандармов в другое место.
Французский исследователь жизнедеятельности
Пушкина также обращает внимание, что пока Ни-
колай I не выразил официально (это произошло
после похорон Пушкина) своего гнева в отноше-
нии убийцы и его приемного отца, многие из Пе-
тербургского общества и высшей власти благода-
рили их за избавление России от несправимого
и вздорного поэта. Именно это отношение свет-

ского общества к мученической смерти Пушкина
крайне возмутило юного корнета Михаила Лер-
монтова, и в стихотворных строчках «На смерть
поэта» он отсалсил анафему высшему обществу.

В адрес убийцы Пушкина император Николай I
распорядился: «Быть по сему, но рядового Геккер-
на, как не русского подданного, выслать с жандар-
мом за границу, отобрав офицерские патенты». По-
сле отъезда из России Дантес жил вместе с женой
в Сульсе в доме родного отца до 1842 года, ни в
чем себя не проявляя. Затем, когда все поспо-
койлось вокруг Дантеса, началась его блестящая
политическая карьера: аккредитация при венском
императорском дворе, член Генерального совета
департамента Верхний Рейн, депутат Учредитель-
ного собрания Франции, наконец, пожизненный
сенатор с окладом 30 тыс. франков в год.

Однако рок все-таки отомстил ему за смерть
выдающегося русского поэта. Третья дочь Данте-
сов, Леони, была, по словам её брата, «до мозга
костей русской». Она самостоятельно выучила
русский язык так, что «говорила и писала по-русски
лучше многих русских». Леони любила Россию и
Пушкина, знала наизусть множество его произве-
дений, держала в своей комнате его портрет. Она
утверждала, поняв истинные мотивы случившего-
ся и как проходила дуэль, что поединок был про-
веден не по законам чести. Она обвинила отца в
умышленном убийстве Пушкина.

Секунданта Константина Данзаса, ввиду бес-
порочной 19-тилетней службы и как имевшего
ранения в боях и получившего высокие награды,
суд окончательно решил выдержать под арестом
в крепости на гауптвахте два месяца, а после того
«обратить по-прежнему на службу». Позднее он
ушел в отставку в звании генерал-майора.

Виконт Д'Аршиак сразу после дуэли был срочно
был отправлен своим послом из России в Париж,
якобы с депешей, и таким образом счастливо избе-
жал ареста и суда. После роковой дуэли 1837 года
Геккерн вынужден был покинуть Россию и на пять
лет исчез с поля зрения, чтобы о его злопыхет
роли в убийстве Пушкина подзабыли. С июня 1842
года до октября 1875 года он был полномочным
представителем при императорском дворе в Вене,
старший дипломатического корпуса в австрий-
ской столице. За дипломатические заслуги Геккерн
был награжден рядом государственных орденов, а
в 1872 году был удостоен почётного пожизненного
звания государственного министра.

В 1812 году тринадцатилетний лицеист Алек-
сандр, глядя, как уходят русские полки сражаться
за Родину, мечтал быть в их рядах. Он погиб от
пули, выпущенной французом по наущению Луи
Геккерна, того, кого благословил Наполеон, при-
своив титул барона за верную службу Француз-
ской империи. Похоронили Пушкина там, где он
хотел быть похороненным, в Святогорском Свято-
Успенском монастыре рядом с могилкой матери.

г. Ярославль